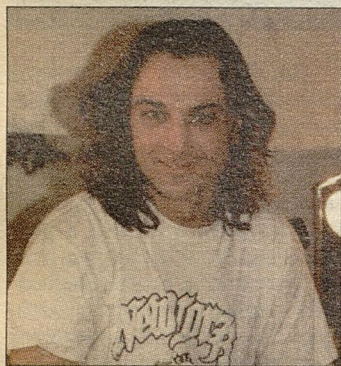
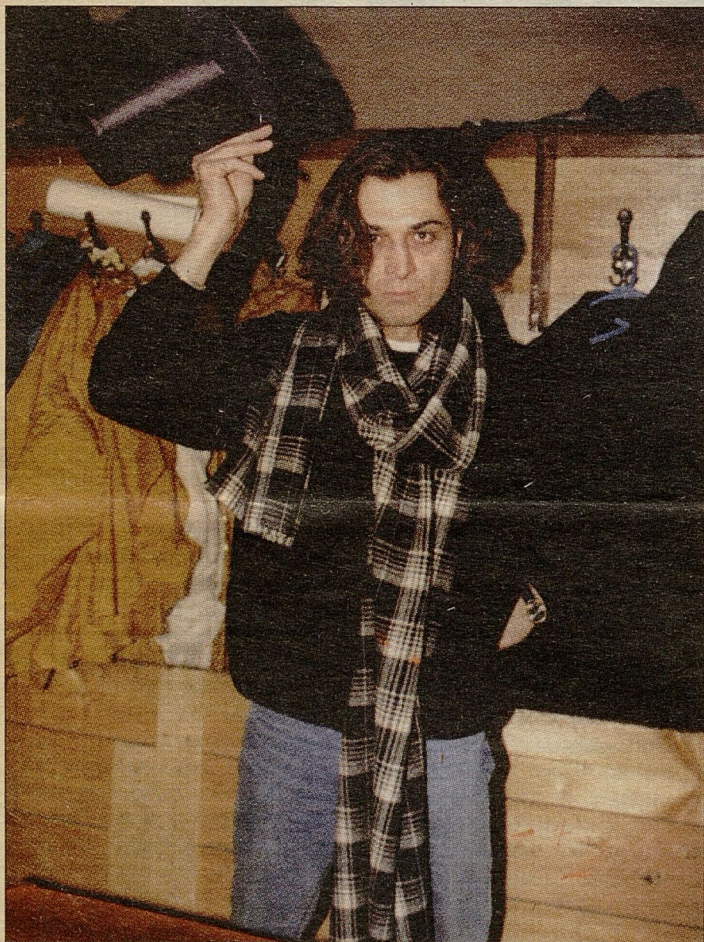

К его фамилии сразу же пристала приставка “младший” — чтобы не путали с отцом. Потом стала исчезать: актер “Ленкома” Александр Лазарев существует как самостоятельная творческая личность, хотя своими родителями — артистами Александром Лазаревым и Светланой Немоляевой — по праву гордится.

Александр Лазарев:

“Хочу или все, или ничего!”

Журанты. — 1998. — 21 мая. — с. 30.

— Саша, почему выбрали именно “Ленком”?

— С детства любил этот театр. Когда пришел в “Ленком”, довольно долго танцевал в “Юноне” и “Авось”, “Поминальной молитве”. И в какой-то момент возникла боязнь, что на этом застряну. Но случился Эмилиян в спектакле “Ромул Великий”. Подумал тогда: “Даже если у меня в театре ничего больше не будет, стану эту роль совершенствовать”. Но потом был Клавдий в “Гамлете”. Глеб Анатольевич Панфилов тогда замечательно сказал про нас с Димкой Певцовым — Гамлетом: “Им же по двадцать, они не понимают, что играют!” И был прав — такие роли надо играть не только с театральным, но и с колоссальным жизненным багажом. А дальше были Альмавива в спектакле “Безумный день, или Женитьба Фигаро”, Менахем в “Поминальной молитве”, Генрих VIII в “Королевских играх”.

— Уйти на сторону не тянуло?

— Никогда. Предложения поступали, но не хочется разбаза-

риваться. Захаров — мой режиссер. Не хочу сказать, что я для него свой — всего лишь тридцатилетний молодой артист. Но мне интересно работать с ним. Когда предлагаешь что-то сам, он не спорит, просто говорит: “А, может, лучше так?” И видишь, что предложенное им на порядок выше. Я счастливый человек: у меня много работы в своем доме. Могу, конечно, поворчать на что-то, но, отбери у меня хотя бы одну роль, буду страдать.

— Эффектная внешность не программирует на определенные роли?

— Я не считаю себя красавцем и не могу сказать, что на что-то запрограммирован. Хотя однажды был случай, когда роль не сложилась: сказали, что чисто внешне к ней не подхожу. Хочется верить, что дело было только в этом.

— Вы из актеров, которые берут зал. В жизни это умение приговора?

— Александр Гаврилович Абдулов мне рассказывал, как в финале спектакля “В списках не значился” он чувствовал, что может сделать с залом что угодно, скажет, к примеру: “Встать!” — и все встанут. И мне, когда играю в “Королевских играх”, иногда кажется, что на сотую долю приближаюсь к этому ощущению невероятной энергетики. Но в жизни ею не пользуюсь, не думаю: “Дай-ка я этого человека расположу к себе своим обаянием”. Схожусь с людьми — значит схожусь, нет — так нет.

— Сходитесь с людьми легко?

— С близкими по духу да. В театре очень много людей, которых я люблю и ценю. Но настоящих друзей двое-трое от силы, и они не из театральной среды.

— Вы кажетесь баловнем судьбы. Это так?

— Все артисты — неустроенные люди. И у меня был момент в жизни, когда готов был уйти из театра. Артист всегда излишне любит свою работу, а отсюда и ненависть, и ревность. В нашей профессии все может быть только гипер или супер.

— Вы вообще человек крайностей?

— К сожалению. В театре это, наверное, помогает, а в жизни мешает. Хочу или все, или ниче-

го. Вот и не могу остановить свои страсти, срываюсь на близких, на погоду да на всем, чем угодно. Но стараюсь бороться с собой.

— Взаимоотношениями с кино довольны?

— Они складывались напряженно. Когда был маленьким, снялся в фильмах “Тайна Эдвина Друды” и “Профессия — следователь”. Потом очень много пробовался, но меня никуда не брали. И когда начали брать, серьезных работ не было. Первый раз снялся в главной роли в фильме Александра Белинского “Провинциальный бенефис”, затем в “Охоте” Виталия Соломина. И вот сейчас вышли “Приятели покойника” Вячеслава Криштофовича и “Тело будет предано земле, а старший мичман будет петь” Ильи Макарова. С Вячеславом Сигизмундовичем Криштофовичем мы много говорили о том, что в “Приятели покойника” нужно сыграть абсолютно другого человека, нежели тот, каков я в жизни. Герой фильма интеллигентен, образован, начитан, мягок, но судьба его бьет все время, ставит в совершенно не свойственную ему ситуацию. И неизвестно, куда с этого “лезвия бритвы” он свалится: то ли станет профессиональным киллером и почеркнет душой, то ли останется собой. А в картине “Тело будет предано земле...” было интересно столкнуться с абсолютно новой стилистикой. Я сыграл много отрицательных ролей, но тут достался человек, по первому плану откровенно черный, а копни чуть глубже — он светлый. Скоро, если все сложится благополучно, должен буду сыграть в фильме Сергея Колосова “Судья в ловушке” по пьесе Филдинга и в “Белом доме” у Льва Пискунова — картине о семидесяти годах, остаток которых я застал.

— Как вы познакомились с Алиной?

— Мы в одном круге вращались. Близки не были, но когда встречались, общались. И в какой-то момент проскочила искра. По профессии Алина — переводчик детской литературы, но сейчас она домохозяйка. И у нас типичный дом двух молодых людей с одинаковыми характерами. Часто собираются компании, сидим за столом, разговариваем. Когда приходит в гости Сережа Степанченко, наш актер, слушаем старую музыку. У нас есть пара самых близких друзей, тоже с ребенком, обычно объединяемся.

— Ваши длинные волосы и серьга в ухе — дань экстрагантности?

— Серьга — чисто музыкальный штрих, идет от моей привязанности к рок-н-роллу. И длинные волосы, цепи, кольца тоже оттуда. Кто-то сказал, что “Харлей Дэвидсон” — это не марка мотоцикла, а стиль жизни. Вот и рок-н-ролл — стиль жизни.

— Каков Лазарев-зритель?

— Домашним трудно смотреть со мной фильмы: начинаю комментировать, как сделано, сыграно. Одно время со мной очень тяжело было ходить на

спектакли. Я два года отслужил в Театре Советской Армии, был монтировщиком, рабочим сцены, ну и поиграть удавалось иногда. И когда ходил в театр с женой, всю декорацию ей раскладывал по полочкам — вытерпеть это было невозможно.

— Какие роли родителей у вас любимые?

— Самое сильное впечатление произвело то, как отец играл Хлудова в “Беге”. А из маминых ролей — Бланш в “Трамвае “Желание””. Я на этот спектакль попал в довольно зрелом возрасте. Отец однажды сказал, что еще раз посмотреть “Трамвай “Желание” не сможет — ему жалко маму.

Поэтому решил, что сходить надо — все-таки большой уже мальчик, сам артистом работаю. И реакция была точь-в-точь, как у отца. Вообще, я к своим родителям отношусь с благоговением.

— С женой роли обсуждаете?

— Обязательно. Алина — очень строгий критик, абстрагируется от того, что я ее муж и оценивает мою работу довольно жестко. Может отругать сильно, и мне это нравится.

— Как вы познакомились с Алиной?

— Мы в одном круге вращались. Близки не были, но когда встречались, общались. И в какой-то момент проскочила искра. По профессии Алина — переводчик детской литературы, но сейчас она домохозяйка. И у нас типичный дом двух молодых людей с одинаковыми характерами. Часто собираются компании, сидим за столом, разговариваем. Когда приходит в гости Сережа Степанченко, наш актер, слушаем старую музыку. У нас есть пара самых близких друзей, тоже с ребенком, обычно объединяемся.

— Ваши длинные волосы и серьга в ухе — дань экстрагантности?

— Серьга — чисто музыкальный штрих, идет от моей привязанности к рок-н-роллу. И длинные волосы, цепи, кольца тоже оттуда. Кто-то сказал, что “Харлей Дэвидсон” — это не марка мотоцикла, а стиль жизни. Вот и рок-н-ролл — стиль жизни.

— Каков Лазарев-зритель?

— Домашним трудно смотреть со мной фильмы: начинаю комментировать, как сделано, сыграно. Одно время со мной очень тяжело было ходить на

спектакли. Я два года отслужил в Театре Советской Армии, был монтировщиком, рабочим сцены, ну и поиграть удавалось иногда. И когда ходил в театр с женой, всю декорацию ей раскладывал по полочкам — вытерпеть это было невозможно.

— Вы суеверны?

— В какой-то степени. К примеру, перед выходом на сцену мне нужно о стенку стукнуться, пошутить с кем-то, а иначе ничего не получится. Такой вот ритуал. Но знаю, что суеверие — грех, и пытаюсь с ним бороться.

— Таким грехом, как уныние, страдаете?

— Иногда да. Я не могу жаловаться на жизнь — у меня все хорошо, хотя случается иногда грустное настроение. Бывает, в быту раздражаешься, но потом думаешь: это такая ерунда, не стоит переживать, всегда есть кто-то, кому хуже, чем тебе.

— Политикой интересуетесь?

— Когда-то, как все, смотрел трансляции съезда народных депутатов, ждал, что вот сейчас скажут что-то важное, и жизнь изменится. А еще раньше, когда умер Брежнев, мы тоже думали с одноклассниками, что все станет по-другому. Но другой жизнь стала немножко позже. Сейчас я не смотрю заседания Госдумы, не хожу на демонстрации. Но нельзя быть совсем отрешенным от того, что происходит в твоей стране.

— А лично вам чего не хватает?

— Только новых ролей.

Беседу вел Татьяна Исканцева.

Фото Олега Киришкина.

